

Журнал Скерцо (Испания), янв-фев 1997 года.
Дмитрий Хворостовский, Русский темперамент.

Дмитрий Хворостовский - имя, которое ворвалось с наибольшим размахом на международную сцену, среди бума молодых российских исполнителей, как один из главных современных представителей баритонов. Этот разговор состоялся прошлым летом в Зальцбурге, во время репетиций оперы "Свадьба Фигаро", в которой Дмитрий исполнял второй год подряд графа Альмавива. 29 января Хворостовский представляет в Мадриде камерный концерт в Театре La Zarzuela, в рамках песенного цикла, организованного в сотрудничестве с Fundación Caja Madrid.

Скерцо: Наш журнал публиковал уже в ноябре 1993 года, когда Вы выступали с камерным концертом в Барселоне, материал о первых годах вашей карьеры. Спустя 3 с небольшим года, как у вас сейчас идут дела?

ДХ: С тех пор произошло много событий. Во-первых, я тогда был моложе, и сейчас приобрёл очень важный для меня опыт. Я исполнил произведения по-настоящему замечательные и горжусь этим. Одно из важных событий это, без сомнения, мой дебют в "Свадьбе Фигаро" в качестве графа Альмавива в Зальцбурге прошлым летом, и постановка "Пиковой дамы" прошлой зимой в МЕТе в Нью-Йорке, имевшая большой успех, как и постановка "Фауста" в Lyric Opera в Чикаго. С другой стороны, мой репертуар в камерной музыке сконцентрировался в специфическом русле, как, например, музыка русского композитора Георгия Свиридова, чьи произведения я пою по всему миру. Я записал для Филиппс Классикс его цикл "Отчалившая Русь", а также я исполняю другие его произведения. В конце мая я дебютировал в Лондоне с новым его циклом, называемый Петербург, который был написан на стихи Александра Блока. Также я сделал другие важные дела, но из-за моего импульсивного характера мне трудно все удержать в голове (смеётся)

Скерцо: Вам придётся нанять агента, ведущего ваши дела.

ДХ: О, да! В США я уже начал работать с одним агентством. В те месяцы, что я провёл в Америке, я потратил много времени на разного рода интервью для ТВ, журналов и т.д. Это мне помогло в моей карьере, т.к. я стал гораздо более известен не только в США, но и в Европе. Моя аудитория увеличилась и значительно. Я записал духовные песнопения православной русской церкви с Камерным Хором Санкт-Петербурга, а также принял участие в нескольких операх, новых для меня. Совсем недавно я записал "Дон Карлос" Верди с Бернард Хайтинк, полная версия 5 актов, на итальянском, с потрясающим составом: Ольга Бородина в роли Эболи, Галина Горчакова в роли Елизабетт, Роберто Скандуцци в роли Филиппе, и Ричард Маргисон, канадский тенор, в роли Карлоса. Я очень доволен работой с Хайтинком. Я работал с ним впервые, и очень признателен, что маэстро взял меня в свой проект. Мы сделали концертную версию, имевшую большой успех в Proms, в Albert Hall, в Лондоне, после записи, у меня было много возможностей репетировать, учиться и пробовать, и это было потрясающе.

Скерцо: Этот концерт транслировали по радио.

ДХ: А, да? Это было очень здорово. Также я участвовал в "Травиате" и "Севильском цирюльнике" в театрах Германии и Австрии. В принципе, могу сказать, что я был очень востребован и занят, и думаю, что благодаря этому я вырос как артист.

Скерцо: Мы все открыли для себя музыку Свиридова благодаря последней вашей записи.

ДХ: Это очень важно для меня исполнять его произведения, т.к. это последний гениальный композитор поколения таких классиков, как Шостакович и Прокофьев. Он был учеником

Шостаковича, они дружили в течение многих лет, но к несчастью, его произведения не так знакомы за пределами России. Думаю, что это моя миссия донести до слушателя его музыку, используя все мои возможности, и я очень благодарен Филиппу Классиксу за помощь в этом деле.

Скерцо: Вам в этом ещё помогал Михаил Аркадьев, ваш пианист.

ДХ: Да. Мы работаем вместе уже более 6 лет, и наши отношения укрепились. Это замечательный пример русской фортепианной школы, с её интеллектуальностью. Очень интересно работать с тем, кто имеет высокую музыкальную культуру. Он также дирижёр, композитор и, кроме всего прочего, очень интересная личность.

Скерцо: Это очень важно иметь правильного партнёра.

ДХ: Это очень важно, да. Мне всегда везло на пианистов. Это не просто подыгрывать тебе, идя сзади тебя, это значит иметь собственный взгляд на эти произведения. Иногда мы ругаемся, потом находим компромисс, т.к. наши характеры очень различаются, но от этого выигрывает только музыка.

Скерцо: Как Вы начали работать вместе?

ДХ: Нас познакомил кто-то, кто знал, что я ищу молодого пианиста. Мой предыдущий аккомпаниатор Олег Бошнякович имел более 60 лет на тот момент, и я хотел кого-то более молодого, для поездок по всему миру. Ведь я был гораздо моложе его и даже был вынужден носить его чемоданы, как нянька. (смех) Когда мы поехали в первый раз, я и Михаил, на гастроли, я очень удивился, что он взял мои чемоданы. Спросил - не вредно ли это для рук, ведь ему же играть руками, он ответил, что нет, всё нормально, и это мне понравилось. Мы с ним большие друзья, и это крайне важно для двух людей, которые так тесно сотрудничают.

Скерцо: Свиридов тоже хороший пианист. Помню его диск с Ириной Архиповой.

ДХ: Это великий пианист. Он недавно навещал меня в Лондоне, по случаю премьеры нового цикла. И был счастлив аплодисментам, быть снова на глазах у публики. У нас было 2 концерта, и оба раза я его приглашал для аплодисментов зрителей, для признания публики. Он никогда мне не аккомпанировал, что случается нередко. Это человек, который привык мотивировать артистов их собственной конфронтацией с его музыкой, его идеи очень сильны. Работая над его произведениями, я всегда старался не растривать самого Свиридова. Однако пытался найти свой собственный взгляд, и показать ему потом путь, по которому я шёл, а posteriori, когда работа закончена. К счастью, он оставался доволен, но иногда критиковал меня и поправлял, но в конце концов понимал, что я ничего не изменю. Это пример классического интеллигента, в старинном стиле, когда говорят о таких людях, как Прокофьев или Шостакович. Родом из деревни в Центральной части России, имея бедных родителей, которые не могли позволить дать ему хорошее образование. Он сделал себя сам, всё приобрёл сам, как губка, впитывая информацию и всё хорошее и нужное в течение своей жизни, плюс ко всему у него экстраординарная память. Помнит по именам всех, и это нечто удивительное в России, где все имеют имя и отчество, имя отца. Мой отец, к примеру, Александр, и мое имя официальное Дмитрий Александрович, и вот Свиридов всех помнит по имени и отчеству, это невероятно! Кроме того, он очень умен, с прекрасным чувством юмора, с ним очень интересно общаться. Ему больше 80 лет, и мы очень близки, как дед и внук. Я часто звоню ему по телефону, он всегда рад меня слышать.

Скерцо: Цикл Отчалившая Русь это драма одного человека. Как вы его воспринимаете? Как мини-оперу или..?

ДХ: В каком-то смысле, можно сказать, опера для одного исполнителя, шоу одного актёра. Т.к. он представляет собой гамму чувств и обстоятельств одного человека, его воспоминания на протяжении всей жизни, то, что с ним происходило. Говорит об отечестве, родине его родителей, темы в некоторой мере патриотические, иногда очень депрессивные, грустные, иногда оптимистичные. У тебя в руках возможность решить, в какой форме ты хочешь представить эту картину. В этом смысле это похоже на жанр оперы. Но, возможно, многие не согласятся с этим, т.к. это может видаться как русскоязычная версия цикла lieder (песни) на немецкий манер, как Winterreise (Зимнее путешествие). В постановке главное это камерность, хотя и голос тоже имеет оперное звучание. Партитура фортепиано очень драматична, иногда кажется, что звучит целый оркестр, в частности, из-за стиля игры Михаила Аркадьева, который может играть так громко, как оркестр (смеётся)

Скерцо: Вы собираетесь петь вокальные циклы Шостаковича?

ДХ: Я пел уже некоторые произведения Шостаковича, такие как Испанские песни. Также пел фрагменты его Еврейских песен, но к несчастью, не записал их в тот момент, когда исполнял их достаточно часто, т.к. возможно, думал, что эти произведения не подходят к другим авторам, включенным в тот или иной диск. Конечно, я держу в голове новое их исполнение в ближайшем будущем. Очень много дел впереди....

Скерцо: В какой пропорции у вас находятся камерные концерты и участие в операх?

ДХ: Мне хотелось бы установить нужный мне баланс, к примеру, 50 на 50, но увы, это невозможно. Например, летом 1995 года мои камерные выступления в соотношении с оперными постановками заняли всего 10% всех моих появлений на сцене, это очень мало. В прошлом сезоне я в первый раз исполнил произведения Густава Малера, Песни странствующего подмастерья с фортепиано и оркестром. С оркестром в Вене меня не освистали, чему я был рад (смеётся). Это замечательный опыт в начинании исполнения немецких песен. Многие мои друзья из мира музыки мне предрекли, что я должен исполнять этот жанр, познакомиться с немецким языком, немецкой литературой... Я прислушался к ним и думаю, что Малер станет одним из самых любимых моих композиторов. Я изучил эту музыку прошлым летом в Зальцбурге и сейчас собираюсь взяться за Песни об умерших детях.

Скерцо: Без сомнения, могут возникнуть интересные параллели между Малером и Мусоргским. Взять хотя бы Песни об умерших детях и Песни и Танцы смерти.

ДХ: Вы абсолютно правы. Я буду продолжать исполнять циклы Мусоргского, а также его отдельные песни, они потрясающи. Надеюсь записать что-то в будущем. Мне бы очень хотелось бы это сделать. Также очень мало исполняется музыка Николая Метнера, русский композитор, работающий в 20-х годах 20 века. Это великий автор фортепианной музыки, у него замечательные песни и романсы. Я уже исполнял некоторые из них и надеюсь иметь время, чтобы подробнее ознакомиться с его произведениями и продолжать вносить их в свой репертуар. Партитура фортепиано великолепна, это как концерты для фортепиано с голосом, и могут быть привлекательны для любого амбициозного пианиста. Есть очень много проектов. Конечно, мне предстоит "Дон Жуан", рано или поздно я буду исполнять его. Много Верди. После "Дона Карлоса" мечтаю о Риголетто, которого тоже я спою рано или поздно. Но совершенно очевидно, что сейчас ещё рано. Я должен подождать, когда мой голос сможет исполнять более тяжеловесный материал. Со временем, натуральным образом, я буду развиваться в сторону более драматических ролей, но я хочу быть осмотрительным. Я понял, что моё сердце принадлежит Верди, и именно в этом направлении я хочу двигаться в ближайшие годы. В октябре мне исполнится 34 года,

потихоньку буду брать за рога мой будущий репертуар.

Скерцо: Как повлияли ваши участия в операх Моцарта и Верди на ваши исполнения в русских операх?

ДХ: Русская опера 19 века имеет сильное влияние Вагнера, Верди, Россини, Доницетти и, конечно, Моцарта. Это очень разнообразная космополитичная музыка. Традиции сочетаются нужным образом. Русская школа нас воспитывает в международной опере, в том же Моцарте. Моцарт это как первый этап обучения. Я не очень с этим согласен, т.к. в отличие от того, что думают почти все молодые исполнители, исполнять Моцарта в самом начале своей карьеры, на первых курсах консерватории, думаю, что это слишком сложно. Нужно быть более подготовленным, чтобы его исполнять. Я лично не стал петь Моцарта в начале своей карьеры, самое время начать после 30-ти, когда имеешь достаточные знания и подготовку и некоторый опыт. И делать это рядом с великими музыкантами, которые могут положительно повлиять на тебя. Нужно подходить к музыке Моцарта опытным, но в то же время чистым и непорочным.

Скерцо: Как Вы поработали здесь в Зальцбурге в прошлом году и в этом в постановке "Свадьба Фигаро", которая претерпела большие изменения, начиная с музыкального директора и заканчивая некоторыми исполнителями?

ДХ: Хорошо, я, честно, очень горжусь участием в этой постановке, в команде маэстро Харнонкурт прошлым летом. Мы были крепкой командой, и он преподнес нам видение своего собственного Моцарта. Для меня это был первый такой настоящий живой контакт с Моцартом, маэстро мне дал очень важные и правильные советы для моей карьеры, которые я не забуду и в 60, и в 70 лет....Это как первая любовь. Хочу сказать, что тем самым я очень ему благодарен за введение меня в мир Моцарта. Также считаю, что Брин Терфель это лучший Фигаро, которого я когда-либо видел, такой уверенный во всех своих движениях и действиях. Его Фигаро это не просто персонаж комедии Бомарше. Это нечто большее. Брин ещё очень молод и придаёт ему новые собственные краски, помимо стандартных для этой роли. Это настоящее удовольствие работать в этом Фигаро, с таким замечательным партнёром. Думаю, что я готов на все сто, чтобы преодолеть любой казус с моим участием в этой опере в ближайшие годы. Так много мы репетировали. Почти каждый день, кроме Эдо де Ваарт. Вчера репетировали впервые с оркестром, и это было здорово. Я получал удовольствие от каждого момента. Новый Фигаро в этом году, Ильдебрандо Д'Арканджело, находится на пике своей карьеры для этого персонажа. Большая удача работать с таким мастером сцены. У него потрясающий тембр голоса для многих опер, в особенности для Моцарта. И как человек, он очень приятный.

Скерцо: Вам нравятся такой вариант постановок, как у Люка Бонди?

ДХ: Да, мне нравятся, хотя декорации поменялись по сравнению с прошлым годом. Люк не был доволен некоторыми вещами. Замечательно то, что в прошлом году мы репетировали дверь к двери (в соседних помещениях) с постановкой Питера Штайна "Вишнёвый сад", и могли видеть много необычного между сменами декораций. Актёры приходили смотреть на нас, и наоборот. Существовал баланс, унисон, одинаковое понимание сцены. Для меня это великолепная возможность развиваться, учиться в работе с мастерами своего дела.

Скерцо: Брин Терфель и вы, оба побеждали в Кардиффе, вы взяли 1 премию, а он вторую, не так?

ДХ: Нет, в Кардиффе есть только один победитель, и его выиграл я (смеётся) Свадьба Фигаро это месть Терфеля, т.к. Фигаро всегда побеждает, и граф ничего не может с ним сделать. Уверен, что он этому очень рад (смех)

Скерцо: Он сам говорил в интервью, что вы советовали спеть ему что-то из русской оперы, например, Князя Игоря.

ДХ: Абсолютно верно. Князь Игорь написан для голоса Бриана, бас-баритон с очень хорошим высоким тембром. Если её споеет бас с низким тембром, получится очень скучно. Многие теноры могли бы позавидовать этой роли.

Скерцо: Терфель записал арию в своём недавнем диске.

ДХ: Да, а также некоторые другие вещи из русских опер для такого голоса, как его. С моим голосом я могу спеть лишь небольшую часть из этого репертуара. И нет необходимости знать русский язык, есть очень хорошие репетиторы по дикции.

Скерцо: Но неплохо бы знать русский, правда?...

ДХ: Да, но русский очень сложный язык.

Скерцо: Вы пели Валентина в "Фаусте" Гуно. Во французской опере есть много персонажей для вашего баритона.

ДХ: Думаю, что французский язык слишком наружен для оперного пения. Камерное исполнение, например, песен Шоссон, думаю, мне сложно было бы исполнять, т.к. иногда нужно шептать, чтобы достичь максимально тихого звука. В опере нужно проектировать звук, производить его. Многие роли очень носовые, и очень трудно посылать голос и в то же время блокировать звук. Некоторые итальянские и испанские певцы не задумываются над этим. Хотя есть те, кто мне говорил, что я мог бы быть достаточно неплох в подобном репертуаре.

Скерцо: В таких ролях как Пеллеас и Мелизанда Дебюсси.

ДХ: Да, также в Афанасии "Таис" Массне. Это замечательный персонаж для баритона. Рене Флеминг уговаривает меня спеть с ней эту роль. Это немного низковато, но думаю, я бы справился.

Скерцо: Также вы пели оперы "Пуритане" и "Фаворитка", это ж чистое бельканто. Как вы там себя чувствовали?

ДХ: "Пуритане" я пел несколько раз, и "Фаворитку" тоже, великолепные партии для баритона. Роль Альфонсо роскошна. Я совсем недавно исполнял её в Буэнос Айресе. Эль Колон это великий театр, сравнимый с Лисео Барселона, одинаковая акустика. Увы, Лисео закрыт на реконструкцию, но я им желаю скорейшего открытия.

Скерцо: Вы принадлежите поколению молодых русских певцов, таких как О. Бородина, Г. Горчакова, которые участвуют активно в проекте Кировского театра под руководством В. Гергиева. Как вы оценили бы эту работу в Санкт-Петербурге, и какой основной вклад нынешней русской культуры в мировое музыкальное наследие?

ДХ: Я являюсь частью этого проекта только потому, что я дружу с Валерием Гергиевым. И хотя я не в труппе театра, мы очень близки. Считаю Гергиева одним из выдающихся дирижеров и музыкантов на сегодня, у нас много совместных планов на будущее. Хотя и реальность осложняет выполнение некоторых из них, мы найдём выход из положения, т.к. идеи наши тверды, и мы оба

хотим их осуществить. Маэстро всегда поддерживает мои идеи, и мы продолжим работать вместе. Также я участвовал в записи "Пиковой дамы" в МЕТе в Нью-Йорке, и есть другие проекты зарубежом. В этом году я выступлю на фестивале "Белые ночи" в Санкт-Петербурге, для меня это впервые. Затем 2 или 3 записи в студии (ещё нет подтверждения), несколько опер и концертов, поэтому я смотрю в будущее с большим энтузиазмом.

Скерцо: Ваше появление в Санкт-Петербурге это опера или с концертом?

ДХ: Это будут 3 вещи, одна опера, один концерт с оркестром (вероятно, Песни Мусоргского) и один камерный концерт с фортепиано. Опера ещё не решена, но есть варианты, что это будет постановка "Алеко" Рахманинова.

Скерцо: Это потрясающий материал, как и недавняя "Иоланта" Чайковского...

ДХ: Вы слушали этот диск? Это замечательное произведение. Очень люблю эту оперу. Хотя история немного наивна, поэзия очень красива, и это последняя опера Чайковского, поэтому имеет глубокий закадровый смысл, трагизм, драматизм, который потрясает. Глаза наполняется слезами, когда слышишь первые звуки увертюры...

Скерцо: В каком-то роде она похожа на французскую оперу. В ней есть что-то от импрессионизма, иногда слышится Дебюсси...

ДХ: Да, не будем забывать, что Дебюсси был один из последователей Чайковского, когда был молод под протекцией госпожи фон Мек.

Скерцо: У вас есть какой-то эталон исполнения в прошлом и сейчас?

ДХ: Эталон меняется с твоим возрастом. Я очень люблю поколение 50-х Тито Гобби, Этторе Бастианини. Бастианини вообще до сих пор один из моих идиологов. Я коллекционирую все, что вижу о нем - диски, журнальные вырезки о его карьере и жизни и т.д. Также я люблю слушать и сегодняшних исполнителей. Но у меня с каждым разом остаётся на это всё меньше времени. Дома и так шумно, особенно с тех пор, как родились мои близнецы. Когда не спишь по ночам, днем вряд ли сможешь слушать какого-либо тенора (смеётся).

Скерцо: Вы уже выбрали программу концерта в Мадриде?

ДХ: Программа ещё не выбрана окончательно. Ещё не решил - Свиридов с Шостаковичем, или Мусоргский...

Скерцо: Что вы любите делать в свободное время?

ДХ: первым делом выспаться, часов 10 (смеётся). Я очень люблю читать, это моё настоящее увлечение. В основном русская классическая литература. Также немного читаю по-английски, но быстро теряю терпение и снова перехожу на русский. Несколько лет назад я начал перечитывать Достоевского, Толстого, Тургенева, также Солженицына. О последнем могу сказать, что я эксперт в его романах, могу спорить о политике и истории тех лет в СССР. Люблю спорт, велосипед. Считаю, важно поддерживать себя в хорошей физической форме.

Скерцо: Вы думали в будущем посвятить себя педагогике?

ДХ: Да, возможно, но об этом ещё очень рано говорить...

Скерцо: Что бы вы сказали исполнителям нового поколения?

ДХ: Я не знаю, что бы я им сказал. Я не смог бы им указывать путь, наставлять. Если у тебя есть талант от Бога, ты должен развивать его. Также ты должен жертвовать многим ради карьеры, самое главное это беречь голос, и учиться, чтобы быть музыкально грамотным. Достигать максимально идеального звучания голоса и развиваться, это самое главное.

Скерцо: Тяжело быть оперным певцом.

ДХ: Да, ведь ещё ты должен быть хорошим актёром и музыкантом. Есть даже кто дирижирует или играет на каком-то инструменте. Это часто можно увидеть.

Скерцо: Но вы довольны певческой карьерой

ДХ: Да, несомненно!

Рафаэль Банус. Мадрид